

ЮРИЙ АРАКЧЕЕВ

«МИР ДОБРОМ УКРАСЬ»

295 каменных ступеней вверх от родника... Еще несколько десятков шагов по заросшему травой склону... Сказочное видение открылось нашим глазам. Гладкое зеленоватое озеро, словно тщательно отполированный изумруд в оправе из гор. Завороченные деревья смотрят в это зеркало. Только бабочки яркими огоньками вспыхивают иногда на прибрежных склонах, да легкий ветерок нет-нет, а всколыхнет неподвижные воды, бросив на изумрудную поверхность горсть серебра.

Марал-гель. Оленье озеро. Очертания его, если смотреть сверху, с одной из окружающих гор, напоминают профиль головы оленя.

А в нескольких километрах и чуть ниже удлинненное, слегка изогнутое темносинее зеркало другого озера. Гей-гель – Голубое озеро. Говорят, что Алексей Толстой, побывав здесь, назвал Гей-гель «матерью всех озер».

«Когда я впервые увидел Гей-гель, оно снилось мне несколько лет, – признается Алтай Мамедов, азербайджанский писатель и драматург, высокий, красивый человек с черными смоляными усами. – А теперь снится Марал-гель, я увидел его недавно».

Мне тоже снится теперь озеро Марал-гель, зеленое, сказочное. Поразительно, что оно сохраняет свой изумрудный цвет даже в пасмурную погоду.

Мощное землетрясение 1139 года разрушило древнейший город Гянджу, но подарило Азербайджану семь горных озер, чудо природы. В частично восстановленной Гяндже в 1141 году родился один из величайших поэтов Востока Низами Гянджеви.

Теперь древняя Гянджа переименована в Кировабад. Население – почти четверть миллиона.

Прием в горкоме партии

– Этот гражданин, так называемый мой брат, заявляет, что...

– Он ваш родной брат?

– Да, так называемый родной...

Пожилой возбужденный человек продолжает, и выясняется суть конфликта. Родные братья, живущие в одном доме вместе с матерью, не поделили приусадебный участок. Старший брат, который формально владеет участком, возражает против того, чтобы его младший брат и мать проходили по «его территории» в свою половину дома...

– Где сейчас ваша мать? – спрашивает депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Кировабадского горкома партии Гасан Азизович Гасанов, ибо именно в его кабинете решается этот конфликт, именно к нему на прием записался человек, владелец участка.

– Она внизу сидит, – отвечает младший брат владельца.

– Позовите ее сюда.

– А жену можно позвать? – нерешительно спрашивает владелец, желая, очевидно, сохранить количественное равенство сил.

– Жену, мать, племянницу, тетю – всех зовите, – говорит первый секретарь.

Мелкая, некрасивая история, однако сейчас она занимает умы нескольких людей, и необходимо разобраться, людям этим помочь, и чтобы обязательно возторжествовала справедливость. Братья выходят. А на пороге кабинета появляются двое. Пожилой, плохо выбритый мужчина – кладовщик сельской больницы, который выступает в роли истца – и импозантный, подтянутый человек, ректор Кировабадского сельскохозяйственного института. Пользуясь юридической терминологией

будем называть стороны «истцом» и «ответчиком».

Истец обратился к первому секретарю с жалобой на то, что его сына, якобы, незаконно отстранили от приемных экзаменов в институт... Утром он уже был здесь, в кабинете, однако конфликт потребовал тщательного разбирательства, и вот теперь вместе с ним пришел ректор. На «очной ставке» выясняется: кладовщик действовал не по закону, его претензии лишены основания.

– Лгать не надо, – говорит первый секретарь. – А вы солгали дважды: когда называли себя колхозником, хотя на самом деле вы кладовщик. И когда представили фиктивную справку. Лгать не надо. До свидания...

Возвращаясь братья, с ними мать и жена одного из братьев, а также специально вызванные на прием начальник ЖЭКа и участковый милиционер.

– Это ваша родная мать? – для начала спрашивает первый секретарь «истца».

– Да, моя мать... – потупился тот.

Далее последовала сцена, годная для съемок неореалистического фильма, но вот что удивляет больше всего: при всем накале страстей каждый из участников сцены говорил в свою очередь, не перебивая другого, и в этом чувствовалось особое уважение к первому секретарю.

Справка. В этот день на прием к первому секретарю горкома записался пятьдесят один (!) человек. Так бывает каждый четверг. И хотя официальные часы приема с 10 до 13, депутат Верховного Совета не уходит до тех пор, пока не примет последнего посетителя. Бывало, что такое случалось за полночь. Главный принцип: конфликт должен быть решен тут же, на приеме, в этот же день, с привлечением всех заинтересованных лиц. Никаких «приходите через недельку», «потом разберемся», «подумаем»...

Как же был решен конфликт между братьями?

– Раз вы не можете поделить участок между собой, и он является яблоком раздора, значит, придется снести забор на вашем участке и разбить там маленький городской сквер.

Вот к такому выводу приходит первый секретарь, внимательно выслушав всех.

И тут же звонит в исполком. Когда же все участники сцены уходит, он вновь соединяется с исполкомом и добавляет: забор надо снести, но не надо торопиться. Может быть, они еще помирятся. Забегая вперед, скажу: пожилые люди, годами жившие в противополоственной вражде, действительно начали искать путь к сближению.

Свидетельство. Я говорил со многими в горкоме, много хороших слов слышал. Лучше всех сказала, пожалуй, Тамилла, красивая женщина, экономист исполкома.

– У нас в городе теперь не умеют врать. Каждый знает, что его напрямую сведут с тем, на кого он наговаривает. И волокиты нет никакой. Обстановка очень здоровая.

Писатель Алтай Мамедов добавил:

– Благодаря этим приемам, в горкоме партии за последнее время резко сократилось число жалобщиков. Анонимщиков практически нет. Главное, люди поверили в справедливость. Адская это работа – выслушивать жалобы. Но, с другой стороны, через этих людей первый секретарь хорошо знает о том, что делается в городе.

Память о прошло

В центре города, рядом с Горкомом партии, на фронте красно-кирпичного здания с национальным орнаментом – шахматные фигуры. В половину человеческого роста беломраморные конь, слон, ладья, король, королева. Двери дома гостеприимно открыты. У дверей табличка: «Шахматная школа».

– В эти фигуры играл еще сам Низами, – говорит молодой человек, директор школы.

Поэт и философ Востока – высший авторитет. Нет в Кировабаде человека, который не знал бы о нем и не чтит бы его память.

...Рядом с Шахматной школой, где, кстати, учатся 340 ребят в возрасте от 5-ти до 11-ти лет, на соседней улице – Музей древней скульптуры. Фигуры животных, созданные неизвестными мастерами несколько столетий назад и раньше разбросанные где попало, собраны в одном месте и живописно расставлены прямо под открытым небом.

Вероятно, это единственный музей такого рода в Советском Союзе.

...Мечеть из красного кирпича – национального строительного материала азербайджанцев – с мощным серебристым куполом, напоминающим планетарий. Ажурная железная ограда, а внутри, вокруг мечети – каменная плитка и множество цветов. Розы. На двери мечети надпись: «Целебный цветок». Входим в просторное помещение. Чисто, светло. Нас встречает аромат трав и... пение соловья.

Это – аптека. Здесь продаются только травы. Ромашка, шалфей, мята, липовый цвет. Пение соловья – магнитофонная запись.

Аптека открыта совсем недавно, но уже пользуется успехом у горожан. Травы стоят недорого. Но в горкоме поговаривают о том, чтобы отпускать их бесплатно.

Один из первых интернационалистов Востока Низами все же не очень широко известен у нас, мало и не всегда хорошо переведен. Однако в суровом 1941-ом году в блокадном Ленинграде по инициативе Николая Тихонова был отмечен 800-летний юбилей Низами, и в теперешнем Кировабаде очень гордятся этим событием.

Для первой постановки в открывшемся год назад Театре поэзии имени Низами Гянджеви выбрали кировабадцы рассказ славянской царевны из «Семи красавиц».

– Низами – первый из поэтов Востока писал о славянах, заметьте. И когда? Еще в 12-ом веке! – эмоционально говорит Гасан Азизович Гасанов. – Любопытная деталь: славянская царевна одета во все красное. Уже тогда Низами связал со славянами красный цвет. Еще одна деталь: в поэме «Искандер-Наме» Низами повествует о неслыханной вещи: славяне побеждают войска Александра Македонского! Вообще, если внимательно читать Низами, можно найти много очень верных пророчеств...

Не только меня, всех, кому довелось беседовать с Гасановым, поражает эрудиция первого секретаря, черноволосого, голубоглазого, совсем еще молодого человека (ему нет и сорока лет).

– С художниками он говорит как художник, с архитекторами – как архитектор, со строителями – как строитель, – так сказал о нем Ильяс Бархударович Кулиев.

– И вот посмотрите, что еще любопытно, – увлеченно продолжает Гасан Азизович. – Гянджа дала миру такого гиганта, как Низами, хотя она никогда не была ни «столицей мира», как, например, Самарканд, родина Алишера Навои, ни столицей страны, как Тбилиси, давший миру Шота Руставели. А ведь еще в Гяндже жила Мехсети – свободолюбивая женщина-поэтесса! История города формирует образ его жителей. В Кировабаде можно встретить человека, который записывается на прием к первому секретарю с жалобой на то, что где-то на улице растет чинара, которой 280 лет, а ее плохо поливают...

На основе традиции

Прием в горкоме был прерван на двадцать минут, потому что ровно в полдень состоялось совещание в кабинете первого секретаря.

На совещании присутствовали заведующие библиотеками города, ответственный секретарь зонального отделения Союза писателей Азербайджана, доцент Педагогического института имени Зардаби Алтай Мамедов, известный библиофил Кировабада Керим Тагиев, инструктор горкома Наги Абдулазимов и другие представители интеллигенции.

Всего человек двадцать.

– В перерыве между заседаниями сессии Верховного Совета я зашел в Ленинскую библиотеку в Москве, перебрал там все, что есть о нашем городе, – начал первый секретарь без всяких предисловий. – И нашел вот такую книжечку: «Отчет о состоянии общедоступной дешевой библиотеки-читальни, открытой в Пушкинские дни в городе Елизаветполе, за период с 20 мая 1899-го по 1 января 1900 года». (Елизаветполь – одно из бывших названий Кировабада). Почему бы и нам не открыть такую читальню? Место есть. Я вчера нашел. Старый клуб, заброшенный. Там сейчас склад. Стеллажи есть, столы есть на первое время. Не возражаете? Нужно срочно создавать фонд. Я думаю так: пусть это будут книги Пушкина и о Пушкине, верно? А еще лучше так: читальный зал Низами Гянджеви и Александра Сергеевича Пушкина. В октябре в Баку будет интернациональная конференция писателей, вот и можно открыть библиотеку с их участием...

В пять часов того же дня, встретив в коридоре исполкома директора одной из библиотек, Гасанов спросил у нее:

– Ну, что вы уже сделали для создания новой читальни?

На следующий день утром начало фонду, состоящему из частных пожертвований, было положено. Первыми книги принесли Керим Тагиев и Наги Абдулазимов.

...А в медресе Шарафханлы 19-го века сейчас активно ведутся реставрационные работы. Это будет постоянное помещение Национального фольклорного хора.

Гасанов:

– Мы стараемся не просто восстанавливать памятники старины, но, по возможности, использовать их. Восстанавливать же непросто. Чтобы расчистить территорию бывшего медресе Зардаби, где идут теперь спектакли Театра поэзии имени Низами, пришлось снести восемь старых глиняных домиков, дать новые квартиры восьми семьям, вывезти горы земли и мусора.

...А еще сокращается число пивных и ресторанов. На одном из последних пленумов горкома спросили: – Мы закрыли восемь ресторанов в городе. Кто-нибудь заметил?

Присутствовавшие удивленно переглядывались: в городе отнюдь не стало скучнее. Наоборот.

...Еще одна улица недалеко от центра. Вот он, старинный красно-кирпичный караван-сарай. О нем говорили на заседании исполкома: до недавнего времени в помещениях этого бывшего постоялого двора ютились шашлычная, хашная, пивная. А на втором этаже этого здания педучилище, где учатся сотни девушек.

Теперь на территории караван-сарая идут – не идут, кипят! – расчистные и реставрационные работы: здесь разместится киностудия. И музей.

Музей будет называться «Женщины Азербайджана». А в соседнем здании, на втором этаже педучилища, уже открылся музей поэтессы Мехсети Гянджеви. И это прекрасный символ: музей одной из первых свободных женщин Востока (если не самой первой) в стенах современного педагогического училища...

«Главное – кадры»

Примечательно, что возрождение памятников старины, бурное строительство объектов культуры никак не идет в ущерб экономике города. Средства – те же, что и раньше, только раньше они почему-то не осваивались полностью. По итогам же социалистического соревнования за прошлый, 1979-й год, город получил переходящее Знамя ЦК КПСС, Совета Министров, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ.

– Главное в нашей работе – кадры, – говорит Гасанов. – Главное, чтобы каждый человек был на своем месте. Тогда будут и культура на высоте, и экономика, и бытовое благоустройство людей. Воспитание, подбор, расстановка руководящих кадров – это самое важное.

«Принципиальный, последовательный, бескомпромиссный, целеустремленный курс на повышение ответственности кадров за порученный участок, на утверждение ленинских норм в партийной и государственной жизни» – вот главный принцип нашей работы, сформулированный первым секретарем ЦК КП Азербайджана Г.А.Алиевым. Все, что делается в нашем городе сейчас, делается под флагом этого курса. Почетный строитель Ильяс Бархударович в роли председателя горисполкома – пример подбора кадров по такому принципу. Отсюда и считаем, что не ошиблись...

Вы только представьте себе: за девять последних лет в Азербайджане создан промышленный потенциал, равный потенциалу, созданному за всю историю существования страны! Впечатляет. Не правда ли?

Нефть – был наш главный и чуть ли не единственный продукт. А теперь лавиной пошло у нас развитие электротехники, электроники, машиностроения – причем, тонкого, точного! То же самое в сельском хозяйстве. Винограда собираем больше миллиона тонн, а десять лет назад весь Азербайджан давал всего лишь 70-80 тысяч тонн. Столько, сколько дает теперь средний – не передовой, а средний район. Передовой дает до ста двадцати тысяч... Бурное развитие Азербайджана во всех отраслях в настоящее время объективно отражает и развитие общества в целом.

Неслучайно ведь принято постановление ЦК партии о Низами...

Создан Театр Поэзии имени Низами...

Зажглись скрытые в цветах плафоны и разноцветные прожектора во дворе медресе Зардаби (что означает «Золотая вода»), осветив царский трон в одной из ниш, предметы старинного обихода...

И тотчас, безо всякого специального приглашения из окрестных домов в ажурные железные ворота медресе повалил народ. Мужчины и женщины. Молодые и пожилые. И, конечно же, дети. Больше всего детей... Те, кому не хватило мест, остались на тротуаре, прильнув к решетке ограды. Некоторые влезли даже на деревья.

Театр поэзии имени Низами давал очередной спектакль. Поэма «Семь красавиц», притча «Добро и зло». Сценарист Эльшад Мамедов, сын Алтая Мамедова. Режиссер – Аладдин Исмаилов, тоже совсем еще молодой человек. Роли исполняют профессиональные артисты городского театра и непрофессиональные актеры и танцовщицы, на общественных началах.

Все собрались, расселись. Зазвучала музыка – увертюра. Зрители затаили дыхание...

Да, это было прекрасно. Двор старинного медресе. Над головой яркие азербайджанские звезды. Тепло. Аромат кипарисов и роз. Затихла музыка, и из ниши вышел к народу... сам Низами, молодой и красивый. В белой национальной одежде.

– Добро и зло всегда существовали в мире и долго еще будут существовать... Я расскажу о встрече добра и зла, чтобы добро всегда побеждало зло...

Весь спектакль выстроен так, что, оставляя в неприкосновенности идеи Низами, он обращается к нам, современникам. Задача режиссера и актеров не в том только, чтобы показать давно отжившее прошлое, но чтобы говорить о добре и зле в настоящем. Низами поразительно современен во многих своих высказываниях и предостережениях.

*Человек двумя делами добрыми спасет
Душу: пусть дает он много, мало пусть берет...
Только тот достоин вечной славы, кто добра
Людям хочет, ценит правду выше серебра...
Мудрый, будь полезен людям, мир добром укрась!
Это – выше всех сокровищ и сильней, чем власть.*

Неожиданным и прекрасным видением в горах стало для меня Марал-гель, Оленье озеро. Я не слышал раньше о нем. Оно – мое открытие Азербайджана.

И так же могу сказать о Кировабаде. Удивительные люди, удивительный город.

Многое мне не удалось передать в этом очерке. Не упомянут даже «мемориальный парк», расположенный в одном из новых районов, в закладке его – на общественных началах! – участвовало буквально все население Кировабада. Не сказано о спортивном комплексе в этом парке, который также хочется назвать «олимпийским объектом». Не описал я и новое помещение библиотеки имени Ленина, которое так символически контрастирует со старым, и очаровательных женщин, которые в этой библиотеке работают. А есть и Музей песни, Художественный салон, Музей и Мавзолей Низами Гянджеви, Галерея детского рисунка, Дворец пионеров. И многое, очень многое еще будет...

Но главное всего – люди, которые там живут. И та атмосфера, которая создается ими.

Фрагмент из повести «Прорыв» Юрия Аракчеева

«...Очерк мой был о поездке в Азербайджан, в город Кировабад (бывший Гянджа), на родину одного из крупнейших поэтов и философов Востока Низами Гянджеви. По счастливому стечению обстоятельств в городе этом происходили весьма любопытные события в последнее время, как, впрочем, и вообще в Азербайджане. Это официально называлось так: «Принципиальный, последовательный, бескомпромиссный, целеустремленный курс по повышению ответственности за порученный участок работы». Вот такая длинная формулировка – и в отношении Кировабада тоже. Естественно, как и все официальные лозунги того времени, она воспринималась скептически, однако, приехав в Кировабад и начав знакомиться с тем, что там происходит, я постепенно стал убеждаться, что кое-что толковое и соответствующее этому лозунгу действительно существует – не знаю, как во всем Азербайджане, а вот в Кировабаде – на самом деле.

Упомянутый «курс» воплотился здесь, например, в том, что полтора года назад первым секретарем Горкома, а значит, фактически хозяином города стал человек действительно неординарный – молодой, широко эрудированный, культурный и, кажется, на самом деле добрый. Короче – живой. Я повидал за время своих командировок немало партийных работников, но никого, подобного ему, пока не встречал, и существование именно такого человека в роли хозяина города было фактом весьма удивительным. Весь город, как говорили, был в него прямо-таки влюблен, и я сам не раз убеждался, что при одном упоминании его имени лица людей светлели.

Первое, что бросалось в глаза при знакомстве с городом, – особенно внимательное, пристрастное, можно сказать, отношение к памятникам старины вообще, а особенно – к тем, что связаны с именем Низами Гянджеви. Причем, было ясно, что отношение это стало проявляться совсем недавно, а именно – полтора года как. Восстанавливались и расчищались мечети и медресе – вместо ресторанов, шашлычных, хашных или даже складов, которые были в них раньше, размещались там теперь музеи или, к примеру, аптека лекарственных трав с таким вот названием: «Целебный цветок». Или Любительская киностудия. Или Национальный фольклорный хор. Или даже – Театр поэзии имени Низами Гянджеви...

Вообще же не только внимание к старине ощущалось в городе, но и внимание к жизни вообще, к человеческим, а не исключительно «социалистическим» радостям. К культуре. К искусству.

В это даже не верилось поначалу, казалось очередным показательным «мероприятием», однако чем дальше, тем больше я убеждался в реальности происходящего. Например, дважды довелось мне побывать на приемах граждан в кабинете

первого секретаря, и то, что там происходило, опять удивило меня. Если кто-то из записавшихся на прием жаловался на кого-то, первый секретарь непременно вызывал в кабинет того, на кого жаловались – будь это директор школы, начальник ЖЭКа, милиционер, следователь, директор предприятия, ректор института или даже судья. Первый секретарь ценил чужое время, избавляя обиженных от бесконечной волокиты, он, видимо, вообще понимал, что такое жизнь человека – в отличие от многих и многих своих коллег, «товарищей по партии»... Он понимал, в частности, что для человека правда важнее даже, чем хлеб, и никакое добро без нее, правды, не имеет смысла. «Соломонов суд»? Да, именно! И в наших, советских, условиях это далеко не самое худшее. Ведь каждый, по крайней мере, имел на него право, и каждый получал «очную ставку»...

И все это, повторяю, происходило в городе, который раньше назывался Гянджа и был родиной Низами. Что это за поэт, я, к своему стыду, до того времени имел представление смутное, но здесь, кажется, по-настоящему познакомился с ним – и, в частности, от начала и до конца прочитал одну из пяти его знаменитых поэм, а именно – «Семь красавиц». И не только прочитал, но и не поленился выписать строчки, которые особенно меня тронули.

«Разум главный наш помощник, наш защитник он, муж разумный всем богатством мира наделен... Создан не для пожирания мяса и хлебов человек, нет – он источник умственных даров... Вникни, мудрый, в суть растений, почвы и камней, вникни в суть существ разумных, в суть природы всей, – и в любом живом творенье можешь ты открыть главное, что и по смерти вечно будет жить. Все умрет, все сгубит время, прахом истребя. Вечно будет жить познавший самого себя. Обречен на смерть, кто сути жизни не прочтет, но блажен себя познавший: будет вечен тот... Человек двумя делами добрыми спасет душу: пусть дает он много, мало пусть берет... Только тот достоин вечной славы, кто добра людям хочет, ценит правду выше серебра... Ибо в той стране, где правду властелин хранит, делается терн плодами, золотом – гранит, и железо обретает свойства серебра»...

А вот и еще одно, символическое:

*Не смотри на взлет надменной башни в облаках,
Помни, что и эти стены обратятся в прах...*

Описываемые в моей повести события относятся ко времени самого начала восьмидесятых – они еще из той, «советской» жизни, которая канула, кажется, безвозвратно, – однако, я убежден, что суть этих событий не утратила значения и теперь, в эпоху, как все думают, иную. А Низами и вовсе жил и сочинял свои поэмы около восьмисот лет назад... Столько поколений сменилось, а люди, по сути, остались те же. Сколько умных людей писало все о том же и после него, но... Все признают, что мудрецы, философы, писатели правы, однако... Что же мешает людям жить по-человечески – по совести, по уму?... Настоящим открытием была для меня поездка в Азербайджан. Настоящим открытием стал для меня Низами...И тем более приятно – уместно! – было сочинять мне свой очерк здесь, в курортном поселке у южного моря. Где сама обстановка располагала, и где происходили столь приятные события моей жизни... Хотя очерк и должен был быть не о Низами вовсе (к сожалению...) и не о первом секретаре Горкома города Кировабада, а – о председателе Горисполкома, депутате Верховного Совета СССР, бывшем каменщике, тоже, надо сказать, неплохом человеке... Однако неплохом, главным образом, в отношении «производства». И свободно писать этот очерк я не мог. То есть, мог-то мог, но тогда надежды на его публикацию не было бы никакой ровным счетом. Как уже говорил, я не первый год имел дело с нашими советскими газетами и журналами и отлично знал, кто в них сидит, и кто ими руководит, и что им от нас, журналистов и писателей, нужно.

Протиснуться сквозь ряды «хозяйчиков» жизни с моими «легкомысленными» размышлениями и – особенно – размышлениями о женском и о красоте природы было практически невозможно. Для них такое всегда либо «ни о чем», либо крамола – то есть: «Не пройдет!» Но хоть что-то хорошее протащить все же очень хотелось. Во всяком случае, я изо всех сил старался...

И еще один фрагмент, уже из романа «Поиски Афродиты» – где тоже упоминается та поездка, в другом контексте.

«...Вообще-то я писал не рассказ, а очерк. Точнее – из очерка пытался сделать рассказ. Дело в том, что от «Литгазеты» в августе ездил я в командировку в Азербайджан, чтобы написать «портретный очерк» об одном хорошем человеке, председателе Горисполкома. На манер, естественно, «правдинских»... О «Высшей мере» в газете, можно сказать, вообще забыли, а командировку предложили от другого отдела – позвонили совершенно независимо, просто потому, что в «Правде» читали... И я согласился, потому что тема показалась интересной: будущий герой очерка – из «простых», порядочный, выбился, как будто, по-честному. К тому же в Азербайджане я никогда не бывал, а предстояло посетить не только столицу Баку, но и древний город Кировабад, который всю жизнь до советской власти назывался Гянджа и был родиной великого поэта Низами. Поездка, естественно, получилась удачной – как вообще-то любая поездка, если без катастроф (о чем я уже говорил), – меня даже свозили в горы к «жемчужинам природы» Азербайджана, озерам Гей-Гель и Марал-гель, и, между прочим, шофер с сопровождающим ждали меня почти по часу около каждого, пока я фотографировал сапфировую (Гей-Гель) и изумрудную (Марал-Гель) жемчужины с разных сторон и пытался отыскать в их окрестностях каких-нибудь красивых бабочек, особенно желанного Аполлона. И вот что интересно: я ведь не врал спутникам, не пудрил мозги, а честно сказал, что фотографирую красоту и хотел бы здесь найти бабочку, потому что буду книжку писать под названием «В поисках Аполлона» – о бабочках. Разумеется, это никак не соотносилось с серьезной темой серьезной газеты, но они, два азербайджанца, один молодой, а другой средних лет, вполне меня поняли. И пошли навстречу. А сопровождающий, между прочим, был не таким уж и маленьким партийным чиновником – инструктором Горкома.

Очерк я написал быстро, он мне нравился, но в газете его хотя и набрали в типографии, однако же в конце концов зарубили. Завотделом (считавшийся у них, между прочим, передовым «демократом») сказал, что, во-первых, надо бы побольше цитировать не поэта Низами, а Генерального секретаря Л.И.Брежнева (ну, например, его эпохальные высказывания об Азербайджане и еще что-нибудь из последних выступлений), во-вторых, я слишком что-то восхищался в очерке тем, что Первый секретарь Горкома Кировабада ввел этакий странный обычай, известный со времен царя Соломона: вызывать конфликтующие стороны и тут же демократично вершить суд по справедливости, независимо от того, какой пост занимает одна из сторон (а что, если он высокий партийный или хозяйственный деятель, разве можно его считать неправым? А в Кировабаде бывало такое, и я, видите ли, одобрял...). И в третьих, вообще что-то слишком часто я называл советский город нессоветским именем Гянджа и выискивал там элементы старинной культуры».